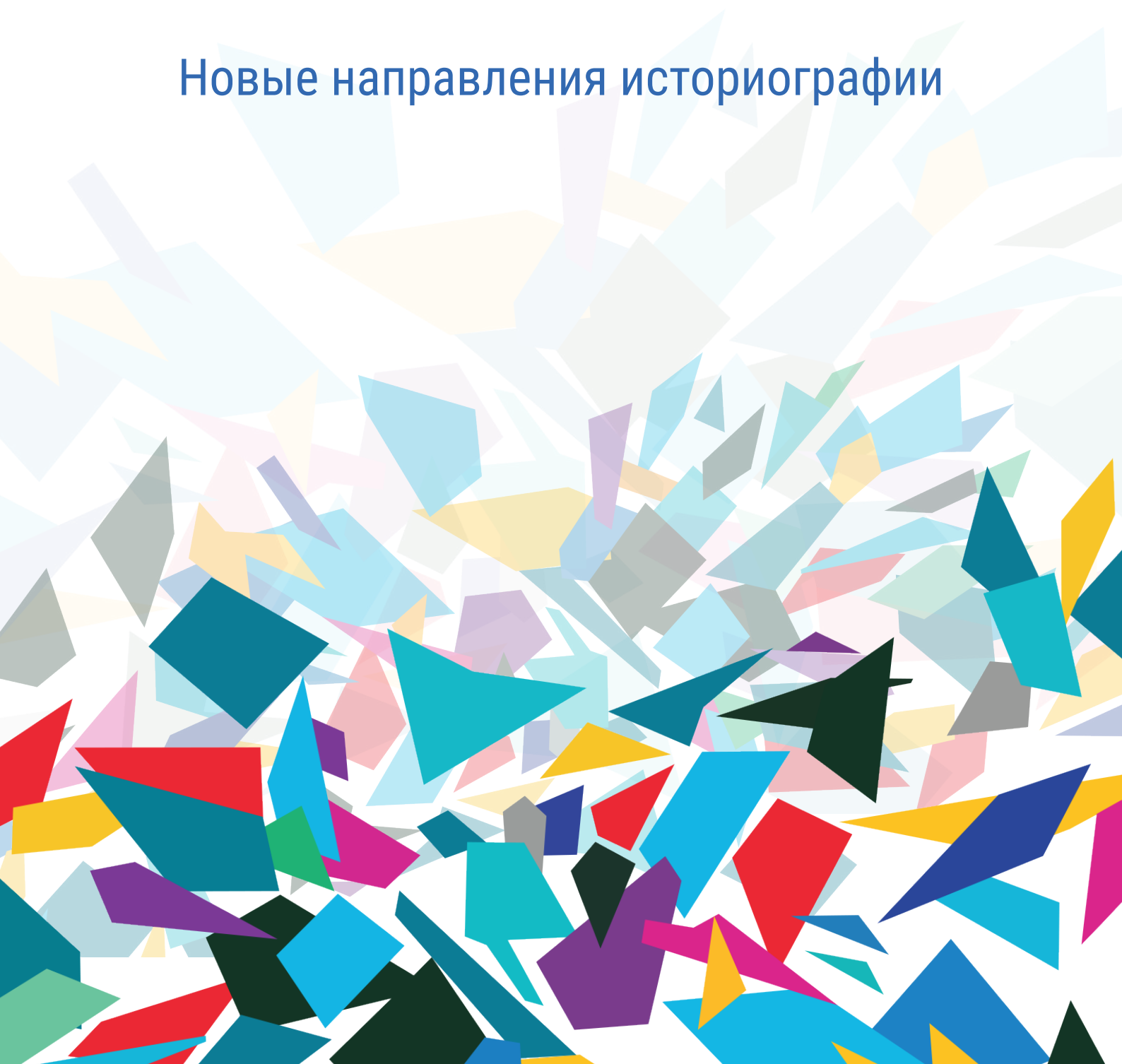


ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Новые направления историографии





В прошлых двух лекциях мы поговорили о принципах позитивизма и о вызванном позитивизмом споре о научном статусе исторического знания. В нашей 19 лекции речь пойдет о тех многочисленных историографических направлениях, возникших во второй половине XIX века в связи с нарастающим усложнением самого исторического метода и все большей специализацией (профессионализацией) исторической науки. Большое внимание мы уделим развитию историографии в России. Мы расскажем о так называемой «русской школе» всемирной истории.

Этой лекцией мы заканчиваем презентацию материала 7 главы книги «История исторического знания».

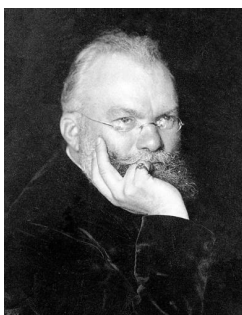
Вторая половина XIX века – это время специализации истории. Совершенствуется техника исследования, развиваются вспомогательные дисциплины, смежные с историей научные отрасли. Резко увеличивается число исторических кафедр, где все большее внимание уделяется источниковедческим семинарам. Во Франции в 1876 году начинает выходить журнал «Историческое обозрение» (*Revue historique*); в Германии 17 годами ранее – *Historische Zeitschrift*; в Англии начинает выходить в свет «Английское историческое обозрение» (*English Historical Review*). Пишутся многотомные работы по всемирной истории. Примером последних может служить коллективный труд французских историков «Всеобщая история с IV столетия до нашего времени» (1887—1903) под редакцией Эрнеста Лависса (1842–1922 гг.) и Альфреда Рамбо (1842–1905 гг.).

В это время в западноевропейской историографии возникли новые направления и школы. Большая часть из них исходила из методологических предпосылок позитивизма. Были и направления, относящиеся к чистому позитивизму критически. В итоге они стали предвестниками анти-позитивистских исторических подходов, сформировавшихся в первой трети XX века.



В середине XIX века знаменитый историк Базельского университета (университета, где одно время преподавал Фридрих Ницше) профессор Якоб Буркхард основал свою историографическую школу. В отличие от Леопольда фон Ранке, Буркхард на первый план выдвинул культурную и интеллектуальную историю – историю искусства, поэзии, науки, быта. Его исследовательская деятельность была связана с эпохой Ренессанса. Именно он предложил ставшую канонической интерпретацию периода как инкубатора современности и современного индивидуума.

В это же время, под влиянием марксистской мысли в Германии растет интерес к хозяйственной, экономической жизни обществ. Новые школы рассматривают экономические факторы в качестве решающих переменных общественного развития. Одними из ведущих представителей этого направления были Густав Шмоллер (1838–1917 гг.), Людвиг Йозеф Луйо Brentано (1844–1931 гг.) и Карл Бюхер (1847–1930 гг.). Ими же была выдвинута периодизация истории в зависимости от доминирующих типов хозяйств.



Важной вехой в развитии позитивистских принципов стало появление школы культурно-исторического синтеза немецкого историка Карла Лампрехта. Развитие человеческого духа было подчинено определенному порядку. Чтобы его постичь, понять связь между актом и условиями, породившими его, истории необходимо было стать наукой социальной психологии.

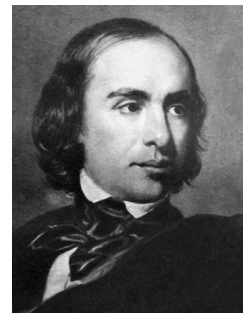
Лампрехт был убежденным сторонником универсальной схемы развития духа. Его «фазы развития» подразумевали переход от анимизма, символизма, типизма, конвенционализма, индивидуализма и субъективизма. Каждой из фаз соответствовал свой общественный строй: анимизму – родовой строй с коллективной собственностью, символизму – первое разделение труда и появление неравенства, конвенционализму – феодализм и натуральное хозяйство... На основе этой схемы Лампрехтом был написан главный труд – трехтомная томная «История Германии».

В России второй половины XIX века были представлены все основные европейские историографические направления. Позитивистскую позицию с определенными поправками разделяли такие крупные ученые,

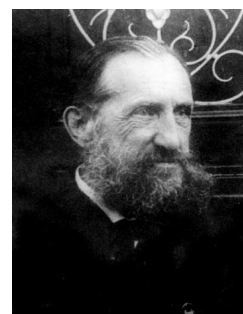


как Василий Ключевский, Николай Кареев, Максим Ковалевский.

В 1860-х годах центр исторической науки переместился из Петербурга в Москву. Во многом это было связано с деятельностью Тимофея Грановского, воспитавшего поколение выдающихся историков, оказавшего значительное влияние на формирование связей между общественным мнением и направленностью исторического исследования.



Владимир Герье был учеником и продолжателем традиций Грановского. Несмотря на это, он критиковал чистую позитивистскую историографию, считая, что историческое познание должно базироваться на психологическом анализе. Первым в России Герье ввел в практику источниковедческие семинары по образцу фон Ранке.

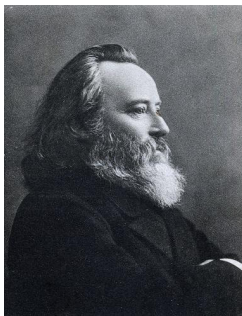


Его коллега по Московскому университету, выдающийся историк Василий Ключевский отошел от нарративных схем, разработанных еще в начале XIX века, и поставивших в центре внимания эволюцию государственного устройства. Вопросы социальной истории (или, как сказал сам Ключевский, вопросы происхождения, развития и свойства людских союзов) вышли в его работах на первый план. У Ключевского (как и у многих современных ему позитивистов – Бокля, Тэна и прочих) природа играет краеугольное значение. К природе Ключевский добавляет три «исторические силы»: саму физическую природу человека, роль личности и роль общества. Эти силы лежат в основе его синтетической концепции истории, связывающей материальные условия с человеческой социальностью.

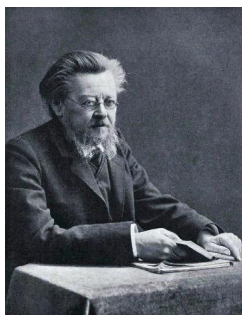
Российские историки были известны не только работами по русской истории. Появилась и развилась так называемая «русская историческая школа» всеобщей истории. На ее становление большое влияние оказала социально-политическая обстановка в России во время Великих Реформ Александра II и последующих за ним контрреформ Александра III. Историки считали, что российскую общественность характеризовал высокий уровень исторического самосознания, сопоставимый с европейским. В то же время, по общему убеждению, в материальном и социальном плане Россия виделась отстающей от Европы. Эта дихотомия между историческим восприятием и общественно-политической «отсталостью» пореформенной России обусловила научную проблематику российской историографии.



Преемником Герье в Московском университете был крупный медиевист Павел Виноградов. В центре его внимания находились проблемы происхождения и развития западноевропейского феодализма. Преподавая в Англии с 1901 года, Виноградов активно занимался историей права как аспекта социальной истории. Его позитивистские воззрения не были абсолютными: так, считая поиск закономерностей главной задачей историка, Виноградов признавал наличие фактов, что могут быть интересными сами по себе, вне зависимости от их положения внутри причинных связей.

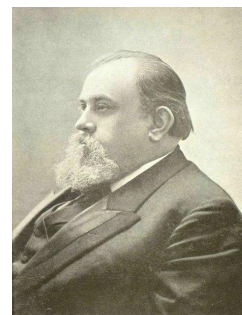


Социолога и историка Николая Кареева интересовала история Французской революции, ее предпосылки и следствия. Кроме этого, Кареев много и плодотворно занимался теорией истории. Предвосхищая методологические дебаты 90-х годов, ученый отнес историю к номологическим дисциплинам, имеющим дело с индивидуальными, уникальными событиями. Не отрицая исторических закономерностей, он понимал их в отличном от естественнонаучного свете, скорее психологическом и социологическом. Его концепция истории как дисциплины включала историологию (теорию исторического процесса) историку – теорию исторического познания и теорию исторического преподавания.



Кареева сложно было назвать позитивистом. Иван Лучицкий, как и Кареев, работавший с материалами XVIII века, принадлежал к позитивистской школе без особых оговорок. Его занимали проблемы в истории крестьянства накануне Французской революции, решить которые он предлагал, обработав массив документального материала методами социальной статистики.

Максим Ковалевский, другой историк-позитивист, строил свой научный метод, не разрабатывая общие теории и гипотезы, а обобщая фактический материал конкретно-исторических исследований. Находясь под сильным влиянием Маркса, он интересовался, с одной стороны, происхождением английского парламентаризма и местного самоуправления, а с другой – социально-экономической историей средневековой Англии.



Как мы видим, российских историков второй половины XIX века характеризовал повышенный интерес к истории западного общества. Центральным было стремление понять общие закономерности развития государственности, правовых форм, социальных классов и т.д. В этом историки усматривали ключи к пониманию перспектив, открытых перед Россией реформами 60-х и 70-х годов XIX века. Так, Виноградов верно схватил общие настроения в научной среде, подчеркнув, что вопросы, предоставленные в Европе антикварам, в России являются злободневными.

Профессиональная деятельность историков в России второй половины XIX века находилась, безусловно, под сильным влиянием текущего идеологического и политического момента. Как часть интеллигенции, они не могли игнорировать крупнейший по значимости аграрный вопрос – вопрос, от решения которого зависели судьбы российского крестьянства. Важен был и обратный процесс, то влияние, что их научные исследования оказывали на формирование их ученой и гражданской позиций. Встреча с чужим, европейским прошлым обусловила ориентацию историков на социальные преобразования в либеральном или либерально-демократическом ключе. Работа с материалами по истории Французской Революции, или английского парламентаризма свидетельствовали в пользу обреченности социального строя, воспринимаемого как феодальный. Историческое знание должно было сыграть важную роль в переходе от традиционного общества к современному.

Важно заметить, что ученые «русской школы» не теряли из виду уникальность положения российского общества. Даже наиболее прозападно настроенные среди них понимали, что наличие апробированных моделей перехода от старого порядка к новому может лишь облегчить и ускорить этот переход, прояснив грядущие перспективы и «подказав» последовательность шагов. Сам механизм этого движения по проторенному другими пути «запускается» только в аналогичной исторической ситуации, определяемой социально-экономическими и политическими условиями конкретного общества, его реальными



потребностями.

Взаимодействие развития самой историографической традиции и социально-политической действительности ярче всего проявилось в выборе проблематики исследований. На первый план выходят проблемы истории крестьянства и государственно-правового устройства, которые отражают опыт решения аграрного вопроса и введения конституционных гарантий. Русской школе были присущи ряд черт. Первое: сочетание социально-экономического подхода с активным интересом к вопросам государственного устройства, формирования гражданского общества, развития местного самоуправления. Второе: чрезвычайно широкое понимание содержания аграрной истории как социальной истории. Такой подход к аграрной истории не имел аналогов на Западе и сформировался там под воздействием русской исторической мысли только в середине XX века. Третье: концентрация на историческую динамику, интерес к изучению процессов в долгосрочной перспективе. Четвертое: приверженность к сравнительному подходу, тенденция к использованию исследуемого опыта в выборе путей общественно-политического развития будущей России. Именно на этих обусловленных спецификой социально-политического положения России чертах и базировалась «русская школа» с ее оригинальными подходами к истории общемировой.

Итак, столкновения с пережитками крепостничества и самодержавия в реальной жизни не только формировали чуткий взгляд на историю, но и создавали ситуацию, которая побуждала к активному воздействию научных выводов и представлений на современное общественное сознание. Это быстро проявилось в деятельности ученых-историков, наделенных недюжинным общественным темпераментом. Так, в 1899 году начинает выходить «Вестник всемирной истории», в котором помещались переводные работы и оригинальные статьи русских историков, связанные зачастую с актуальными общественными вопросами. Просуществовать ему было суждено лишь 4 года. Серьезным препятствием была цензура и общий полицейский порядок. Историческое общество при Санкт-Петербургском университете, основанное в 1890 году, ставшее магнитом для молодежи, было под пристальным полицейским надзором.

Аналогичные общества были созданы в Москве и в провинции. С 1913 года наряду с «Историческим обозрением» начинают выходить еще два журнала — «Голос минувшего» и «Научный исторический журнал» под редакцией Н. И. Кареева.

Эпоха господства позитивизма в историографии отразила уверенность европейского общества в своих силах. Европа, понимаемая не только в географическом смысле, подчинила себе мир, ощущая себя центральным действующим лицом мировой исторической драмы. Вопросы политического, социального, экономического характера, вопросы, касающиеся знания и практики, должны были решиться в Европе и посредством нее.

Мы в очередной раз приходим к выводу, что общество порождает определенную форму исторического сознания и исторического знания. Неудивительно, что кризис, поразивший европейское общество в начале XX века, привел к кризису и историческую дисциплину.

Об этом кризисе и о путях его преодоления, мы поговорим в следующих наших лекциях.